

МОСКОВСКИЙ КИНОТЕАТР

МОСКВА

10 ЯНВ 1980

РАЗГОВОР ПОСЛЕ ШКОЛЫ

На вопросы нашего корреспондента отвечает народный артист РСФСР и Армянской ССР Армен ДЖИГАРХАНИЯ.

— Как вы стали актером?

— Мне кажется, я всегда хотел им быть. Лет в семь, правда, думал пойти в шоферы, но это недолго. Учился в Ереване в театральном институте и одновременно работал там же в Русском театре имени Станиславского. Я как-то скучно шел к своей цели — без всяких взлетов и падений.

Был, правда, случай. Приехал в Москву поступать в ГИТИС — не приняли. Скажи: у меня акцент. Уехал в Ереван, поступил там в театральный институт. Попал я к замечательному педагогу Артему Карловичу Гулякяну. Это мой, так сказать, первый учитель. Он говорил: «Об актере можно судить только после 35 лет, до этого он — только данные». Ну, молодость, улыбка и пр. Сколько мы знаем судеб, когда хорошие данные так и не давали хорошего актера.

— Что дает актеру учеба?

— Есть такая замечательная мысль: выучить нельзя, можно выучиться. Важно, кто учит. К сожалению, нередко бывает так, что у человека в театре не получилось и его направляют на преподавательскую работу. А ведь в ходе учебы зарождается личность актера. Именно личность. Согласно с Ромеоном Ролланом, что тот, кто играет Гамлета, сам должен быть немного Гамлетом. Теперь актерство — это авторская профессия. Помоему, наша система обучения этого в достаточной мере не учитывает. А школа в нашем деле так же важна, как в вождении автомобиля или в балете. Надо так: сна-

чала школа, а потом, на ее основе, актерская индивидуальность. На мой взгляд, этому стоило бы уделять больше внимания.

— Вы много играете в театре и много снимаетесь в кино. Хорошо это или плохо?

— Видимо, это очень индивидуально. Я люблю свою профессию, люблю играть. Знаете, я курил до тех пор, пока не почувствовал, что это мешает, а когда почувствовал, то бросил. С актерским делом то же самое. Пока оно приносит мне радость, обогащает.

— И все у вас получается?

— Актерская профессия — это как жизнь. Она не знает остановок, она все время в движении. Ведь и в жизни не все получается. Один день удачный, другой — страшно невезучий. Нельзя каждым выстрелом попадать в десятку — ни в жизни, ни в искусстве. Стремиться надо, но достичь этого нереально. Если все время поражаешь цель, значит, эта цель недорого стоит. Значит, ты выбрал не ту профессию. Я и дальше буду много играть, ошибаться в выборе, в людях, буду начинать сначала с каждым новым спектаклем или фильмом.

— Какие роли вы предпочитаете?

— Хорошие.

— И предпочтительно главные?

— Конечно, нет. Главная роль — это часто идея, а идею играть трудно. Иной раз интереснее играть отрицательную роль. Самое важное — чувствовать, что это про нас, про людей. Зна-

ете, есть басня и есть мораль. Хорошая роль — басня, плохая — мораль.

Сейчас начали репетировать пьесу Тенниси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше». Даже страшно делается — все в ней правда.

Кажется, Вахтангов говорил: образ — это предлагаемые обстоятельства плюс индивидуальность актера. Абсолютно поверить в предлагаемые обстоятельства могут только дети и гениальный актер. Михаил Чехов в роли Хлестакова по-настоящему плакал, когда его собирались арестовать за неплату в гостинице.

Бывает, что предлагаемые обстоятельства, т. е. пьеса, подводят. Ну, как сыграть конфликт человека с автомобилем? Как заставить зрителя поверить в то, чего ты сам не понимаешь?

— Вот вы говорили, что не всякий раз удается попасть в десятку...

— Совершенно верно. Понимаете, у живописца другое. Возможно, Пикассо был прав, говоря, что на полотне имеют право только шедьверы. Остальное — эскизы. У актера нет эскизов, нет права на них. «Трамвай «Желание» наш театр играл 350 раз. Я играю Стенли 10 лет. За это время он вместе со мной стал старше на 10 лет. Нельзя постоянно одинаково играть одно и то же. Я по крайней мере так не могу. Я все время ишу новые впечатления, отсюда, по-видимому, то, что многие считают чрезмерной активностью актера.

— В скольких фильмах вы снимались?

— В шестидесяти с лишним.

— Что же все-таки для вас главное — театр или кино?

— Я считаю: себя прежде

всего театральным актером. Кино сегодня — это, если хотите, симбиоз творчества и техники или даже война между ними. Техника сильно точно: хорошо — плохо, в фокусе — не в фокусе. У творчества нет таких четких критериев. Поэтому случается, что технически все хорошо, а творческого удовольствия нет. В театре, бесспорно, в центре всего творчество, актер, человек. Поэтому театр мне лично интереснее.

— А сейчас снимаетесь?

— В трех фильмах, в том числе двух телевизионных. Роли разные: в фильме «Тегеран-43» буду играть профессионального убийцу, в картине «Полет начинается с земли» — пилота, в «Рафферти» — гангстера.

— Есть ли роли, которые бы вы хотели сыграть, но вам их не предлагают?

— Пожалуй, нет. Я не умею абстрактно мечтать о какой-то роли. И еще. Роль — это не только драматургия, но и режиссер, а если в кино, то и оператор. Ребенок, т. е. спектакль или фильм, должен быть плодом любви, а не мучений. Думая или, если угодно, мечтая о какой-то роли, я учитываю и это.

— Как вы относитесь к собственной известности?

— У нее есть как привлекательные, так и отрицательные стороны. Главное — не любоваться собой, не подыгрывать легенде о себе. Иначе известность сделает с тобой нечто такое, чего ты и сам не ждал. То, что актеров узнают на улице, пишут им письма, привлекает многих. Человек становится актером, и это порой приносит ему несчастье. Нашу профессию можно либо самозабвенно любить, либо ненавидеть. Это не все поначалу понимают. Особенно дети знаменитых актеров (это я не в укор им говорю).

Я бы не хотел, чтобы мои дети пошли по моим стопам. Сыну это не грозит, а дочь учится в театральном училище. Поживем — увидим.

Интервью провела
Н. ГУБЕР.